

© 1998

Чурюмов С. И.

СОЦИОНИКА И ФИЛОСОФИЯ: НИЧТО НЕ НОВО ПОД ЛУНОЙ

В основе соционики лежит новая научная парадигма, связанная с расширением понятий *информация* и *информационное взаимодействие*. Рассматриваются аспекты информации в рамках модели информационных взаимодействий объектов и субъектов. Дается определение соционики как науки, изучающей фундаментальный объект социон и соционную структуру социума.

Ключевые слова: соционика, научная парадигма, теория информационного метаболизма, информационные аспекты, соционная структура социума.

(Продолжение, начало в № 1, 1998)

Одной из причин враждебного отношения некоторых представителей декартово–ньютоновской мысли в науке к соционике, как мы это уже показали в статье «Методологические проблемы соционики», является различие в методологических парадигмах, лежащих в основании официальной науки и соционики.

Парадигмы отличаются тем, что в их терминах может быть объяснено **все**, что входит в круг их **применимости**. Естественно, что человек, погруженный в ту или иную парадигму, ощущает ее самодостаточность, а потому в рутинных случаях не стремится искать что-то другое — для него в этом просто нет необходимости, а учитывая многочисленные сопутствующие обстоятельства, такие как принадлежность к конкретной научной школе, обладание определенным научным багажом, определенное положение в научном мире, определенные научные достижения, построенные на общепринятой парадигме, пересмотр «родной» парадигмы становится практически невозможным. Такое положение дел можно сравнить с принадлежностью к той или иной религиозной конфессии. Только в случае с религиозной конфессией дело обстоит еще тяжелее, поскольку во многих из них развит мощный аппарат убеждения, внушения и удержания своей паствы, а в науке эти процессы определяются другими параметрами.

В науке, в принципе, дело должно бы обстоять несколько проще, поскольку предполагается (по умолчанию), что наука опирается на здравый смысл, логику, эксперимент и весь комплекс того, что одним словом может быть обозначено как **рациональность**, но к сожалению это не всегда соответствует действительности. Дело в том, что наука лишь думает о себе так, льстит себе в своей саморефлексии, но на самом деле ей, как и всем другим областям общественного сознания и человеческой культуры, присуща **иррациональность**, и тем более глубокая, чем меньше в этом отдают себе отчет. Давно пора науке открыть глаза на собственное подсознание. А там, как во всяком подсознании, можно найти такое, «что и не снилось нашим мудрецам». Во всяком случае, согласно соционическим понятиям, наука вообще и современная наука в частности тяготеет к аспекту логической интроверсии, или, что терминологически более точно, — *интровертной логики* (L, □), что, очевидно, не только однобоко, но и чревато недооценкой и искажением других архетипических аспектов, а именно это постоянно и наблюдается на протяжении всей истории науки.

Что касается самого понятия **рациональности**, то в настоящее время в науке нет единого взгляда по этому вопросу. В словаре современной западной философии рациональность рассматривается как понятие с многозначным содержанием, зависящим от включенности в конкретную философско-социологическую концепцию, а отсутствие единого понимания рациональности в современной философии считается выражением ее методологического и мировоззренческого плюрализма. В соционике *рациональность* принадлежит к числу базовых понятий и не подлежит определению, но естественно, что этот термин может быть снабжен любым количеством комментариев, пояснений и уточнений, что и делается, например, в соответствующих тестах на диагностику рациональности (например, в тесте МВТИ — Майерс-Бриггс). С соционической точки зрения, рациональность представляет собой фактор, идущий от субъекта и помогающий ему упорядочивать явления, факты, идеи, процессы с помощью логических (L, □) и технологических (P, ■) схем, а также эмоциональных реакций (E, ■) и отношенческих форм поведения (R, ▢), что так или иначе предполагает историческую корректировку форм рациональности.

Британский философ С.Тулмин, считал, что наука как социально-историческое явление, не отличается от морали, искусства, религии и других форм общественного сознания. И если моральные оценки в Афинах времен Перикла и в современном университетском Оксфорде различны, то не являются ли столь же исторически различными стандарты научной рациональности, сформулированные в физике Ньютона и Эйнштейна? При ответе на вопрос о том, существует ли универсальный критерий научной рациональности или же существует множество типов рациональности научных идей, которые к тому же зависят от исторического контекста, Тулмин явно склонялся ко второму, контекстуально обусловленному пониманию рациональности. С этой точки зрения, история науки оказывается ареной сосуществования рациональных схем объяснения мира, конкуренции и отбора лучших из них. Критерием отбора должны были быть как общие требования исторической рациональности, так и те представления о ней, которые создаются в различных конкретно-научных дисциплинах.

Представление о рациональности существенно для формирования и оценки научной парадигмы, а история науки, как считал известный американский теоретик науки И. Локатос, — это история смены стандартов научной рациональности, которая, с этой точки зрения, оказывается нетождественной научной логичности и экспериментальной проверяемости, а является сочетанием различных логичных, нелогичных, конвенциональных и т. п. положений, сложным образом связанных между собой.

Как в свое время показал Т. Кун, научные парадигмы не являются чем-то абсолютным, и когда накапливается критическая масса фактов, они подлежат смене. Именно в такой период мы и живем, когда добротная, «хорошо зарекомендовавшая» себя (к сожалению это не всегда так), лежащая в основе современной науки декартово–ньютоновская парадигма начинает утрачивать свои позиции. Особенно мрачным периодом в истории этой парадигмы является сталинский материализм с его травлей новых научных направлений, вроде генетики и кибернетики — этих «продажных девок империализма». Не рецидивы ли подобной травли мы наблюдаем и сейчас по отношению к соционике?

Поэтому единственной вразумительной причиной, по которой те или иные научные школы отказывают соционике в научном статусе, кажется, следует считать простое нежелание изучить новый предмет, тем более, что до сих пор они вполне обходились без него.

Конечно, определенную «вину» в этом процессе можно «инкриминировать» и соционике в лице ее различных представителей, в рядах которых можно встретить большое количество энтузиастов, искренне любящих соционику и вкладывающих большую энергию в свой интерес к ней, но, к сожалению, пренебрегающих вопросами методологии и методологической рефлексии. В результате можно видеть некоторое количество работ, тяготеющих к соционике и носящих крайне легкомысленный характер. И дело здесь не в том, чтобы игнорировать или третировать такие работы, а в том, чтобы пропускать их через серьезную методологическую проверку. И желательно, чтобы авторы всех работ по соционике сознательно интересовались вопросами методологии и методологической обоснованностью своих исследований.

Официальным научным дисциплинам легче, по сравнению с новыми и оригинальными научными направлениями, вроде соционики, поскольку первые как бы имеют право использовать (по умолчанию) общепринятые термины и понятия, не углубляясь в их анализ и уточнение. Это по крайней мере удобно, хотя такое отношение к терминам и понятиям может приводить и приводит к неточностям, недоразумениям и ошибкам. Именно это можно наблюдать в научной литературе, когда начинаются уточнения старых и введение новых понятий, терминологические разборки, критика и взаимные упреки по поводу неправильного понимания или использования тех или иных идей.

Так, например, одним из источников недоразумений и споров, издавна ведущихся в психологии, является неточность многих ключевых понятий, таких как «психика», «душа», «сознание», «тип», «характер» и др. Тоже можно сказать и об источнике недоразумений и споров в биологии, где определения таких понятий как «вид», «борьба за существование», «приспособление к окружающей среде» и др. далеки от совершенства. Это было всегда, но в последнее время терминологических и понятийных нестыковок стало значительно больше, что в определенной степени объясняется высокой степенью разветвленности и специализации в науке, а также усиливающимися инновационными процессами.

В настоящее время наука снова подошла к рубежу, когда можно и нужно сознательно оценить компоненты парадигм, претендующих на научность.

Первым в ряду понятий, подлежащих пересмотру и уточнению является понятие самой науки. Экспликация категории понятия принадлежит компетенции логики, и связано это с категорией

определения, относительно которой на протяжении многих веков развития логики выработаны определенные правила, а именно:

- 1) Определение представляет собой сведение неизвестного к известному.
- 2) Неизвестное не должно определяться через неизвестное.
- 3) Определение должно быть соразмерным, то есть объем определяемого понятия должен быть равен определяющему.
- 4) В определении не должно содержаться круга, то есть определяемое не должно тем или иным образом определяться через само себя.
- 5) Полученное определение должно быть понятно пользователю.
- 6) Определение должно быть однозначным.
- 7) Объект должен быть определен через существенные признаки.
- 8) Определение не должно быть выражено через отрицания.
- 9) Определение должно быть конечным.
- 10) Иногда упоминается запрет на креативные, или создающие, определения, из-за которых может возникать иллюзия существования объекта.

Напомним также, что различаются определения явные и неявные (соответственно, эксплицитные и имплицитные), номинальные (для вновь вводимых понятий) и реальные (уточняющие известные понятия) определения. Кроме того упомянем важный сам по себе и нужный для дальнейших рассуждений вид определения — это так называемые остенсивные определения, которые сводятся к соотношению термина с реально наблюдаемым объектом. У этих определений имеются свои тонкие и не всегда очевидные особенности, которые нуждаются в дальнейших уточнениях и оговорках.

Существуют также другие виды определений и связанные с ними категории. Важно лишь не путать с определением другие операции, в некоторых отношениях сходные с ним — это описание, пример, характеристика, сравнение, определяющий контекст и т.п.

Если внимательно приглядеться к фундаментальным понятиям основных ветвей науки, таких как физика (сила, вещество, пространство, время), биология (жизнь, вид, адаптация), кибернетика (информация, система), психология (психика, сознание, я, эмоции, интуиция), философия (истина, бытие, сущность, познание, понимание, логика) и др., то можно увидеть, что понятия силы, жизни, информации и др., несмотря на их кажущуюся ясность, просто невозможно определить. Конечно, физики прекрасно знают феноменологию сил, но они не способны объяснить, что представляет собой сила сама по себе. То же самое касается, например, и понятия жизни, феноменология которой прекрасно известна, иллюстрирована и описана в научных трудах и не только в них. Понятие информации частично было рассмотрено в первой части статьи.

Можно, например, попытаться определить силу как способность выполнять работу (так же определяется и энергия), но тогда мы сведем фундаментальное понятие силы к понятиям способности и работы, и стало быть, именно их следует считать более фундаментальными. Процесс определения можно продолжить, и тогда способность можно свести к возможности что-то делать, а работу — к процессу достижения результата. Так можно продолжать достаточно долго (но не бесконечно! — это запрещено) до тех пор, пока мы не придем к неким базовым понятиям, через которые мы могли бы определять все остальное. Это требование или, может быть, более точно, пожелание, вполне картезианское, однако оно никогда не выполнялось наукой. Правда, имеется одно обнадеживающее обстоятельство: в структурной лингвистике имеется целое направление, занимающееся разложением значений различных понятий на семантические множители, процесс чем-то похожий на определение, и наработанный там аппарат вполне мог бы быть использован в настоящее время для обнаружения предельно фундаментальных понятий, однако эта работа не выполнена.

Исходя из вышесказанного можно выдвинуть гипотезу, что наиболее фундаментальное понятие конкретного научного направления вообще невозможно определить, а следует принимать как интуитивно правдоподобное. Весь же смысл научного направления заключается в систематической разработке семантического поля этого понятия, постепенного его углубления и уточнения. Перефразируя слова Гегеля по поводу введений и предисловий, можно сказать, что нет смысла слишком много говорить об определении основных понятий в начале исследования, так как этому будет посвящено все дальнейшее исследование. На первом этапе достаточно интуитивного усмотрения и предварительного согласия группы ученых, а все необходимые уточнения будут сделаны в дальнейшем.

Учитывая предыдущее, можно понять, что требовать от соционики рационалистской однозначности в отношении ее базовых понятий, тем более на начальных этапах ее развития, просто неправомерно. Однако соционика, в отличие от многих других наук, отдает себе отчет в этом и ищет средства прояснить свои основы.

К вопросу определения мы еще вернемся, а сейчас продолжим рассмотрение определения науки. Примем в качестве предварительного наброска возможного определения следующее: **наука представляет собой организованное получение информации о законах природы, основанное на использовании рациональных методов, с целью увеличения познания природы человечеством и использования полученных знаний для оптимальной адаптации человеческого рода к окружающей среде.**

Такое определение не обязательно признавать удовлетворительным. Так, на первых этапах своего развития наука, будучи сама собой, не обязательно представляла нечто организованное и организационно целое. Были отдельные мыслители, которые что-то открывали относительно природы, постепенно создавалась традиция, возникали научные школы, но говорить о тотальной организованности в получении информации о законах природы, по-видимому, не приходится. Неверно такое определение и относительно современного этапа, так как научная деятельность отдельных энтузиастов неожиданно может оказать важное или даже решающее влияние на современную науку, технологию и образ жизни людей. Однако трудно представить, чтобы научная деятельность могла совершаться в отрыве от уже достигнутого уровня знаний, от научной традиции, что, впрочем, не предполагает отказа от преодоления устоявшихся научных догм.

Указание на рациональные методы получения информации в приведенном определении по крайней мере не точно — в науке широко используется интуиция и, более конкретно, интуитивные методы (это если не полностью, то широко признается учеными) Более того, первой операцией интеллекта (которым, без сомнения, пользуются ученые) является непосредственное усмотрение или понимание — нечто вполне интуитивное. Сама человеческая речь, без которой наука, конечно, была бы невозможной, представляет собой не только нечто чрезвычайно привычное, но одновременно и нечто чрезвычайно загадочное, ведь говорящий не знает откуда берется его речь, не знает каким будет десятое, двадцатое, тридцатое слово, он просто производит речевой поток, и этот поток часто отличается высокой правильностью и одновременно глубиной мысли. Здесь правильность связана с логическими характеристиками речи, а глубина — интуитивна.

Сошлемся также на современного историка и теоретика науки П. Фейерабенда, который в своих работах настаивал на отрицании представления о науке как о чем-то, где существенным является представление о методах как особых характерных для нее действиях. Он считал, что ценность науки весьма относительна и в современном мире она ничем не отличается от других репрессивных социальных институтов, например, государства, церкви. Для демократического общества наука, ограничивающая свободу его членов, представляет серьезную угрозу.

Удивительно и то, что официальная наука до появления соционики не смогла дать полной и удовлетворительной классификации методов (по этому поводу см. статью «Соционика как методология»). Владея такой классификацией, мы теперь можем сказать, что интуитивные и сенсорные методы, широко используемые в науке, к *рациональным не относятся*.

Кроме того, в противоречии с приведенным определением науки, можно утверждать, что накопленные человечеством знания вовсе не используются для оптимального приспособления к окружающей среде — об этом очень красноречиво говорят войны и деградация окружающей среды.

Отметим также, что наука отнюдь не гарантирует правильности решения проблемы, не в состоянии решить все человеческие проблемы, к тому же по одному и тому же вопросу у различных представителей науки могут быть различные и несовместимые мнения.

Поэтому, с учетом сказанного, несколько изменим приведенное определение, и пусть оно выглядит так: **наука представляет собой опирающееся на традицию получение информации о законах природы, основанное на использовании интуитивных, логических, сенсорных и этических методов, с целью увеличения познания природы человечеством и использования полученных знаний для достижения практических результатов локального и глобального характера и предположительно направленных на выживание как отдельных подструктур человечества, так и всего человеческого рода в целом.**

Соционика, безусловно, удовлетворяет такому определению.

Однако такое определение все еще носит слишком общий характер, и могут существовать более конкретные определения, которые предъявляют дополнительные требования к научности. Набор таких требований может меняться от одной научной школы к другой, и такой плюрализм, по-видимому, следует просто принять как само собой разумеющийся.

Если вернуться к декартово–ньютоновским представлениям о науке, то согласно имеющимся литературным источникам, их можно кратко изложить следующим образом:

- 1) В онтологическом отношении признается, что:
 - a. порядок природы стабилен и универсален, человеческий разум проникает в него с помощью столь же устойчивых и универсальных категорий мышления;
 - b. материя (телесность) инертна и принципиально отличается от сознания — активного источника или начала рациональной, самопроизвольной деятельности;
 - c. сознание (Я) заключено во внутреннем мире индивидуального тела.
- 2) В методологическом отношении принципами картезианской науки являются:
 - a. наука занимается «общим», науки об индивидуальном не существует это область интересов гуманитаристики и искусства;
 - b. открываемые в естествознании общие положения (законы) значимы для всех и всегда;
 - c. в естествознании эти общие положения допускают математическое выражение, к этому идеалу должны стремиться и остальные науки;
 - d. наука отдает приоритет количественным и экспериментальным методам, научное объяснение есть прежде всего объяснение свойств целого из свойств его частей.
- 3) Картезианская наука предполагает некоторые, пусть очень абстрактные социологические характеристики:
 - a. она нейтральна в социально-политическом плане, ориентирована собственными автономными целями и ценностями, связанными с поиском истины;
 - b. она морально и эмоционально нейтральна, в ней доминируют рациональные принципы и аргументы;
 - c. субъект познания рассматривается в ней как контрагент природы, призванный контролировать и подчинять себе ход ее процессов;
 - d. в плане включения в жизнь общества наука является профессиональной формой деятельности, она продукт специализированного научного сообщества.

Формируя альтернативу перечисленным установкам В.В.Калиниченко в статье «Онтологические основания научного познания» (см. Литературу) получает следующий список характеристик возможного альтернативного подхода к научности:

1. Естественный порядок не является от века данным. Материя не инертна — ей присущи источники самодвижения и активности и ее нельзя отождествлять с протяжением, как это делал Декарт.
2. Разделение материального и идеального (сознания) относительно. Человек не только и не столько противостоит природе, сколько является ее имманентной частью. Он должен не управлять природой, а находиться в иных, например, диалогических, отношениях с ней.
3. Нет единых для всех наук методов, возможны иные типы объяснения, помимо редукции целого к частям.
4. Математическое знание не является универсальным языком и стандартом науки. Качественные, «понимающие» методы не менее важны.
5. Наука не должна быть этически и политически нейтральной, она может подчиняться примату гуманистических ценностей, быть ответственной перед обществом или какими-то его слоями и группами.
6. Наука не обязательно должна быть специализированной. Ее могут развивать, например, такие группы общества, для которых познание не является основной целью деятельности. Наука может быть делом всего общества (неспециализированная «народная наука») или же, наоборот, личным делом человека в том смысле, что каждый вправе создавать свою собственную науку.

Если учесть приведенные характеристики и добавить к ним другие, представляющиеся вполне разумными на современном этапе развития науки, то можно получить следующий, не претендующий на

полноту список предполагаемых требований: признание неисчерпаемости мира, объективность, доказательность, признание относительности разделения материального и идеального (сознания), опора на факты, опора на количественные и вычислительные методы, допустимость качественных, «понимающих» методов, возможность экспериментальной проверки, признание возможности науки об уникальных объектах, воспроизводимость, прагматичность или полезность, рациональность, новизна, этичность, гуманность, признание того, что нет единых для всех наук методов и возможны иные типы объяснения, помимо редукции целого к частям, экологичность, соответствие заранее определенным требованиям, допустимость индивидуального научного поиска, допустимость «народных форм науки», общепризнанность научным сообществом и т.п. В связи с развитием холистических подходов в науке, многие из присутствующих в приведенном списке «некартезианских» требований выглядят как вполне приемлемые. Возможны и другие требования. В частности, официальная советская наука исповедывала так называемый принцип партийности (он же в той или иной форме действовал в науке других тоталитарных режимов). Отметим, что на разных этапах своего развития наука отвечает различным наборам перечисленных требований.

Рассмотрим некоторые из перечисленных требований несколько подробнее.

Например, доказательность, как и другие требования, может иметь определенные параметры, что нередко просто упускается из виду. Во многих случаях доказательность реализуется мгновенно и сводится к очевидности. В других случаях процесс доказательства может затянуться на многие годы (Дарвин и его «Происхождение видов»!), быть в той или иной мере принятой всем научным миром или его частью, а в дальнейшем вновь подвергнута сомнению ввиду обнаружения новых фактов и синтеза новых научных теорий.

Доказательность может носить очень различный характер в зависимости от особенностей научной сферы или научного направления, а также от парадигматических различий научных школ. Например, доказательность в математике носит сугубо логический характер и не имеет отношения к эксперименту, но опирается на правдоподобные или даже произвольно принятые исходные понятия — аксиомы. Доказательность в физике существенно опирается на эксперимент, однако здесь и не последнюю роль играют математические выкладки, и теоретическая стройность упаковки фактов. В литературе встречались упоминания о парадоксальных случаях, когда физики-теоретики, получив данные лабораторных исследований — фотографии треков элементарных частиц, тут же строили теории и строго обосновывали их математически, в дальнейшем же оказывалось, что лабораторные данные были ошибочными. Приведенный пример проливает свет на природу математических доказательств: **в них безупречно все, кроме исходных посылок.**

Доказательность в медицине с давних времен опиралась на практический опыт и статистику, и лишь где-то с середины столетия появились теоретические представления о фармакокинетике и фармакодинамике, об иммунитете и системном сопротивлении организма патологическому воздействию. Ближе к медицине стоит и психология, с тем, правда, различием, что по сравнению с основным предметом медицины — здоровьем, основной предмет психологии — психика значительно менее определен и вызывает значительно больше разнотолков, поскольку термин «психика» можно считать неологизмом по сравнению с исходным значением корня этого слова — душой, которая официальной наукой никогда не признавалась, а относилась к сфере религиозных представлений. Последние также считались ненаучными, поскольку не удовлетворяли требованиям, которые ученые, начиная с Декарта и Ньютона, предъявляли к науке.

Однако в настоящее время следует признать, что некоторые религии, например, буддизм и даосизм, обладают такой степенью рациональности, внутренней согласованности и логичности, которой наука могла бы только позавидовать, и нетрудно предугадать, что в недалеком будущем наука перестанет смотреть на достижения отдельных религиозных направлений свысока, а повернется к ним лицом и будет использовать в своей практике.

Уже только на основании неодинаковости представлений о доказательности представители различных школ могли ставить под сомнение или вообще отказывать в статусе науки отдельным дисциплинам, которые сами себя считали науками. Так обстоит дело с медициной, психологией и вообще всей гуманитарной сферой с точки зрения наук, называющих себя точными. Адепты точных наук считают дисциплины гуманитарной сферы описательными и на этом основании отказывают им в научном статусе, располагая их ближе к литературе.

Что касается философских систем европейского типа, то в большинстве из них, если не во всех, вообще невозможно говорить о доказательности — здесь речь могла бы идти только об убедительности, но последняя нередко может быть связана с таким иррациональным процессом как внушение. Философские принципы и максимы опираются прежде всего на интуитивное усмотрение. Но отказывать философии в статусе науки лишь на основании того, что характер доказательности в ней отличается от характера доказательности в математике, было бы разновидностью научного шовинизма.

Существует широко распространенный предрассудок о том, что наука может считаться наукой только с того момента, когда она начинает использовать математические методы. Здесь игнорируется тот факт, что каждая наука в своем становлении проходит несколько этапов. Эти этапы могут носить и синхронический, и диахронический характер, то есть реализоваться в различных частях науки параллельно или проходиться последовательно один за другим. А поскольку почти все науки обладают сложной структурой и состоят из многих разделов, то эта неоднородность затемняет логическую схему генезиса науки, которая, без строгой претензии на однозначность, могла бы выглядеть следующим образом.

Любая наука начинается с обнаружения ее предмета. Это чисто интуитивная фаза — как первая операция интеллекта. Именно с этой фазой может быть связан образ «гадкого утенка», в котором появляется новое. Эту фазу можно обозначить как первую, но ей может предшествовать диффузная фаза, которую можно обозначить как нулевую. Это фаза предтеч. На этой фазе науки еще не существует, но ее идеи в той или иной форме «витают в воздухе». На этой стадии предмет науки может существовать в составе мифов, суеверий, смутных догадок и т.п.

Следующую фазу (вторую) можно назвать собирательно–описательной. Даже математика прошла эту стадию в виде множества геометрических и арифметических задач с несистематизированными, но порой исключительно остроумными способами решения. На этой стадии происходит накопление фактов, преобладает коллекционерский подход, используются (преимущественно) такие операции как наблюдение, различение, обозначение, регистрация, описание, измерение; эксперимент носит случайный и внешний характер.

На третьей стадии — упорядочивающе–классификационной — совершаются простейшие обобщения, накопленный на предшествующих стадиях материал подвергается первичной обработке, вводятся различные классификации (часто основанные на несущественных признаках). На этой стадии преобладают такие операции как анализ, сравнение, абстракция, упорядочивание, определение, индукция, первичное обобщение. Эксперимент приобретает систематический характер. Выдвигаются и подвергаются проверке гипотезы.

На четвертой стадии, назовем ее вычислительно–диагностической, формулируются основные законы, создается эффективная символическая система, упрощающая обработку соответствующей информации, идет определение областей применения, строятся предварительные теоретические схемы, появляются модели. На передний план выходят дедуктивные методы, синтез, диагностика и прогнозирование. Критика и оппонирование достигают максимума. Приобретает широкий размах изобретательство и построение технологий.

На пятой стадии, назовем ее обосновательно–триумфальной, происходит выход на метауровень, методы и выводы науки получают обоснование, идет осознание и аксиоматизации собственной парадигмы. Наука получает широкое общественное признание.

На шестой стадии, назовем ее интеграционно–экспансионистской, образуются тесные связи с другими науками, ее результаты и методы широко внедряются. Наука выходит в пограничные области и обнаруживает собственные ограничения.

На седьмой стадии, назовем ее широкосистемной, наука входит в более обширную систему, определяется ее место в системе наук. Ее эксперты как представители данной науки появляются в других областях социального функционирования.

На восьмой стадии, назовем ее дивергенционно–конволюционистской, наука начинает расщепляться на отдельные ветви, возникает узкая специализация, классическая часть закрепляется в вузовских учебниках. Наука стареет, догматизируется, начинает выполнять репрессивную функцию в отношении «новомодных ересей».

Можно высказать предположение, что любая отрасль науки в конце концов обязательно достигает вычислительного уровня, хотя вычисление здесь не обязательно понимать в узко математическом смысле. У этой ипостаси может быть, например, системный или моделирующий характер. В первом случае

результат «вычисляется» по предполагаемому месту проблемного объекта в системе, как это было, например, с Д. Менделеевым предсказывавшем («вычислявшим») открытие еще неизвестных тогда химических элементов и уточнявшим неправильно найденный атомный вес вновь открытых элементов. Во втором случае выводы делаются («вычисляются») на основании особенностей модели объекта. Таким образом, в первом случае система, а во втором случае модель выступают в качестве «вычислительных» средств. Впрочем, нужно отметить, что разница между системой и моделью носит формальный характер, поскольку модель системна, а система является своеобразной моделью объекта исследования. Так, таблицу Менделеева можно считать и системой простых веществ, и моделью определенного фрагмента физического мира.

Сказанное выше наводит на мысль, что мышление, являясь процессом моделирования окружающей среды и будучи системным, становится вычислительным инструментом и в этом смысле мало отличается от математики, обрабатывая по стандартным правилам, как и математика, любые исходные данные, независимо от того, насколько правдоподобными они являются. Так, математика может рассчитывать величины и количества, относящиеся к вымышленным объектам, а мышление — запросто моделировать фантастические ситуации.

Представление о стадийности развития науки не только проливает свет на различия между науками в отношении соответствия определению научности, но и вселяет надежду на то, что в процессе развития каждая наука сможет удовлетворить любому набору базисных требований.

Рассмотрим, например, требование объективности. Это требование, очевидно, противопоставляется расхожему представлению о субъективности, как о произвольности, иллюзорности, бездоказательности. Однако это не единственно возможное значение этого слова. Проблема «объективности–субъективности» является одной из вечных проблем философии, и человечество располагает различными решениями ее. Например, существуют два крайних решения этой проблемы. В одном случае субъект признается единственной реальностью, а все остальное рассматривается как его порождение, своего рода сон, проекция его имманентных свойств и своеобразная иллюзия — это субъективный идеализм, или солипсизм. В другом случае признается, что субъект — это интегральный эффект суммы отношений объективно существующей среды (вспомним марксистское «индивид — это продукт общества» или что «человек — это сумма общественных отношений»). Аналогичное определение личности предлагал С. Лем в своей «Сумме технологии», где он говорил, что можно занять такую философскую позицию, согласно которой личность — это сумма отношений к ней других людей.

У каждого из этих решений есть свои положительные и отрицательные стороны, которые проявляются и реализуются во вполне определенных ситуациях. Параметры таких ситуаций могут быть выявлены в результате научного анализа, однако произвольное занятие таких позиций следует рассматривать как несерьезное и экстравагантное. Таким образом, если человек без осознанных разумных оснований становится в одну из этих крайних позиций, то такую позицию следует рассматривать, как позу, и относиться к ней в лучшем случае, как к возможному объекту исследования, а в худшем — как примеру патологии.

Между этими крайними позициями существуют различные промежуточные варианты, которые определяются степенью сопротивления среды активности субъекта: чем больше это сопротивление, тем больше субъекту приходится учитывать законы окружающей его среды (если он, конечно, хочет достигать своих целей) и тем более объективным становится его поведение. В предельном случае, когда субъект знает ВСЕ об объекте, он обнаруживает свое место в системе объекта, которым является весь мир вместе с его еще непознанными сферами и сторонами, выполняет ВСЕ законы и сливается с объектом.

Поэтому когда на семинарах и конференциях по соционике раздаются заявления, пронизанные различными степенями субъективизма, то безусловно, следует разобраться в том, какие подсознательные мотивы за этим стоят. Это могут быть и ситуативные, и конъюнктурные интересы, но может оказаться, что за этим стоит и интуитивное постижение какой-то важной закономерности, отмахнуться от которой было бы легкомысленным. Однако часто ли у участников дискуссий хватает времени, чтобы во всем разобраться?

Современное представление об объективности состоит в том, что подход является тем более объективным, чем большее количество фактов, параметров и законов он учитывает. Поэтому можно говорить о степени объективности и вполне сознательно ее оценивать. К настоящему времени в соционике

накоплено большое количество фактического материала, не говоря уже о теоретических схемах и моделях, что дает основание говорить о высокой степени объективности ее результатов.

Опора на факты, одно из возможных требований к науке, опять же упирается в определение понятия факта. В обыденном употреблении этого слова, факт отождествляется с событием, но в более строгом смысле, факт — это описание события, а в формальном варианте — это протокол, в котором событие зарегистрировано по некоторым заранее оговоренным правилам, или, можно сказать по-другому, в определенном формате. И хотя обычно факт по умолчанию отождествляется с событием, все-таки нужно учитывать, что это не одно и то же. Наблюдая явление или событие, экспериментатор фиксирует то, что доступно его сенсорному и интуитивному аппарату, и обрабатывает результат в соответствии со своими логическими способностями и этическими установками. К этой ситуации непосредственно относится известный в физике принцип дополнительности, одним из следствий которого является воздействие наблюдателя на результаты наблюдений.

В науке известно большое количество фактических ошибок, неумышленных и умышленных искажений фактов, неосторожных или небрежных интерпретаций и так называемых артефактов, имеющих различную этиологию. Одной из причин подобных случаев является подсознательная склонность отдельных экспериментаторов выдавать желаемое за действительное. Именно поэтому одно из требований к науке заключается в воспроизводимости результатов, получаемых отдельными учеными. В соционике воспроизводимость, касающаяся, например, идентификации ТИМа, хотя и не достигает ста процентов, тем не менее достаточно высока. В группе опытных экспертов она, по косвенным оценкам, не ниже 85 %. Однако в группе случайных любителей, а тем более проходимцев, эта цифра, естественно, значительно ниже. Хотя для таких групп этого и следует ожидать, однако это говорит и о том, что зарегистрированные в опубликованных материалах методики идентификации далеки от совершенства. Тем не менее это не должно быть причиной научной дисквалификации соционики, поскольку ее методики продолжают совершенствоваться, и тут, безусловно, со временем будут получены эталонные результаты. Возможно и дополнительное направление в этой работе. Не исключено, что природа любых психологических тестов такова, что они имеют принципиальные ограничения и прямое их использование никогда не способно повысить воспроизводимость выше некоторого предела (но это еще нужно исследовать). Если высказанное предположение верно, то нужно обратить внимание на другую методику повышения воспроизводимости, связанную с подготовкой экспертов.

Путь подготовки экспертов предпочтительнее варианта высокоточных инструкций в этическом отношении, поскольку человек-носитель методики при соответствующей подготовке может стать гарантом гуманного использования научных результатов. Кстати, осознание соционикой этического принципа в науке поставило бы ее выше многих других наук, например, психологии, результаты которой не защищены от антигуманного использования (психотронное оружие).

Подводя итог квалификации соционики как науки, можно сделать вполне определенный вывод, что соционика, безусловно, удовлетворяет многочисленным требованиям, которые можно предъявить к науке на современном этапе ее развития. Более того, можно сказать, что она обладает методологической потенцией, которая отсутствует у многих дисциплин, претендующих на звание науки.

(окончание следует)

Л и т е р а т у р а :

1. *Гайдено П. П.* Эволюция понятия науки (XV11-XU111вв.), М., 1987.
2. *Гуленко В. В.* Квадральная эстафета, Киев, 1995.
3. *Ивлев Ю. В.* Логика, МГУ, 1992.
4. *Калиниченко В. В.* Онтологические основания научного познания, в сб. Проблема онтологии в современной буржуазной философии, Рига, 1988.
5. *Кун Т.* Структура научных революций, М., 1977.
6. *Локатос И.* Доказательство и опровержение, М., 1972.
7. *Родный Н. И.* Проблема научной революции в концепции развития науки Т.Куна, в кн. Концепции науки в буржуазной философии и социологии, М., 1973.

8. *Светлов В. А.* Практическая логика, С-Пб, 1995.
9. Современная западная философия, словарь, М., 1991.
10. *Тулмин С.* Человеческое понимание, М., 1984.
11. *Тулмин С.* Человеческое понимание, сб. Проблема онтологии в современной буржуазной философии, Рига, 1988.
12. *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе, М., 1978.
13. *Филатов В. П.* Заблуждающийся Разум? Многообразие вненаучного знания., М., Изд.полит.лит. 1990.
14. *Чуешов В. И.* Введение в современную философию, Минск, 1997.
15. *Чурюмов С. И.* Соционика как методология //Соционика, ментология и психология личности. № 4, 1997.